

МЕТАТЕКСТ-КОММЕНТАРИЙ В ПОЭМЕ Д. САМОЙЛОВА «СТРУФИАН»

Балабанович И.С.

Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье рассмотрены типы и функции метатекстуальных элементов в поэме Д. Самойлова «Струфиан».

Ключевые слова: интертекстуальность, метатекстуальность, метатекст, поэма, Д. Самойлов.

«Струфиан» [2, с. 97–107] – поэма Д. Самойлова, написанная в 1974 г. Это ироничное, яркое и новаторское произведение. 4.04.1974 г. Д. Самойлов в дневнике среди литературных планов отметил: *О смерти Александра I (его похищают НЛО!) (Рассказ, повесть?)* [3, с. 76]. Получилась поэма с нетривиальным сюжетом: Александр I, пребывая в Таганроге, размышляет о судьбах отечества, в это время некто Федор Кузьмин, странный отшельник-философ, в уединении писавший реформаторский трактат, решает вручить свой труд государю. В момент, когда Кузьмин тайком крадется к монаршей особе, происходит нечто необычное: приземляется НЛО и инопланетяне забирают императора, которого позднее срочно объявляют умершим, положив в гроб вместо него скончавшегося от шока свидетеля-гвардейца. А Кузьмина, как опасного очевидца, отправляют в тюрьму, впрочем, потом о нем все забывают, он выходит на свободу и перед смертью оставляет свою «тайну» – несколько бумажных лент с зашифрованными символами. Некий хороший приятель рассказчика – программист – расшифровал эти заметки, выделив в качестве важнейших слов *а крыют струфиан* – ключ к разгадке тайны.

Для поэмы, как и для подавляющего большинства самойловских лироэпических текстов, характерна метатекстуальность, представляющая собой пересказ или комментирующую ссылку на претекст. Прежде всего обращает на себя внимание подзаголовок, вводящий обозначение жанра: *недостоверная повесть*. Прилагательное здесь актуализирует модусную категорию персуазивности, характеризуя весь текст поэмы как «недостоверный», чем автор как бы настраивает читателя на не прямое, ироничное восприятие дальнейшего произведения, снимая с себя ответственность за достоверность сказанного. *Дул сильный ветер в Таганроге* [2, с. 97] – так начинается следующая за короткой экспозицией часть поэмы. Эти слова в дальнейшем становятся лейтмотивом, повторяясь на разных этапах развития сюжета. Однако заметим, что повествователь не берет на себя ответственность за достоверность даже этого сквозного образа ветра (ассоциативно нагруженного): *Он [Александр I] выходил в осенний сад <...> Я, впрочем, не был в том саду / И точно ведать не могу, / Как ветры веяли морские / В том достопамятном году* [2, с. 98]. То есть художественный образ отделяется от его создателя. Здесь мы видим первый тип метатекстуальности, представленный в поэме – автокомментарий к тексту, дающийся по ходу повествования.

Второй тип метатекстуальности, представленный несколькими подтипами – комментарий к чужому тексту. При этом текст мы понимаем широко вслед за традицией тартуско-московской семиотической школы, тесные контакты с представителями которой имел Д. Самойлов, переехавший в 1976 г. из Москвы в эстонский Пярну, часто бывавший в Тарту, приятельствовавший с Ю. Лотманом, Вяч. Ивановым, Р. Якобсоном и др. В частности, под текстом мы

будем понимать легенду – бытовавшую еще в XIX в. историю о том, что живший в позапрошлом столетии в Сибири старец Федор Кузмич (обратим внимание, что герой Д. Самойлова – *Кузьмин*, однако очевидна отсылка к повести Л. Толстого «Посмертные записки старца Федора *Кузмича*», Д. Самойлов использует иной орфографический вариант) – это инсценировавший свою смерть Александр I. Повествователь самойловской поэмы четко обозначает свою позицию (он не отождествляет Кузьмина с Александром), высказывая отношение к легенде. Для него доказательство неправдивости легенды – «тайна» Кузьмина: *Мне жаль всегда таких легенд! / В них запечатлено движенье / Народного воображения. / Увы! всему опроверженье – / Один престранный документ, / Оставшийся по смерти старца: / Так называемая «тайна» – / Листы бумаги в виде лент, / На них – цифирь, и может стать, / Расставленная не случайно* [2, с. 98–99]. Это примеры комментирования чужого текста: если комментарий к легенде носит личностный характер, он эмоционален, то в комментарии к текстам Кузьмина доминирует описание свойств физического носителя, и лишь частично – субъективная оценка документа говорящим (реализованная с помощью прилагательного *престранный*) и предположение относительно коммуникативности символов из документа.

В дальнейшем рассказчик в каком-то смысле пытается избавиться от своей непосредственной функции: передает слово приятелю-программисту: *Один знакомый программист / Искал загадку той цифири / И сообщил: «Понятен смысл / Ее, как дважды два – четыре. / Слова – “а крыют струфиан” – / Являются ключом разгадки». / И излагал – в каком порядке / И как случилось, что царя / С отшельником сошлись дороги...* [2, с. 99]. То есть дальнейший текст

поэмы, следующий за прямой речью, можно воспринимать как пересказ не существующего разговора. Указание источника сообщения – один из способов для говорящего снять с себя ответственность за не / достоверность высказывания.

Д. Самойлов строит поэму как текст о тексте благодаря конструированию некоего не существующего в реальности претекста – сочинения Ф. Кузьмина под названием «Благое намеренье об исправленье Империи Российской». Кратко описывается история создания этого текста: *Кузьмин писал. А что писал / И для чего – никто не знал. / А он, под вечный хруст прибоя, / Склонясь над стопкою бумаг, / Который год писал: «Благое / Намеренье об исправленье / Империи Российской»* [2, с. 101]. Далее приводятся закавыченные фрагменты, якобы цитаты из трактата: *Поскольку не был сей трактат / Вручен (читайте нашу повесть), / Мы суть его изложим, то есть / Представим несколько цитат* [2, с. 102]. Современники безошибочно угадывали в «Благом намерении...» фанатичного героя пародию на «Письмо вождям Советского Союза» А. Солженицына, с которым Д. Самойлов полемизировал. О «Письме вождям...» поэт так отзывался в дневнике: *Солженицын продолжает играть председателя земшара. Он написал план переустройства России и отправил его правительству. Вечная «клоповщина»* [3, с. 73]; *В России великий гражданин обязательно – ругатель. А чтобы ругательство его было услышано, должен и ругать-то на уровне ругаемых. Кто кого переплюет. Хуже всего, когда такой герой выступает с положительной программой, да еще и посылает ее ругаемым. Тут и лезет «клоповщина»* [3, с. 74]. Именно пародирование А. Солженицына не понравилось Л. Чуковской, мнением которой о своих произведениях дорожил Д. Самойлов и к

оценкам, советам которой прислушивался: *Дописал «Струфиана» и читал его несколько раз... вечером Л<идии> К<орнеевне>. Первая ее мысль – не печатать. Потом объективность поборола любовь к А<лександру> И<саевичу>* [3, с. 82]. Интересно, что в самой поэме повествователь комментирует «Благое намерение...» весьма сжато, но едко, сравнивая его автора с французским философом – основавшим школу утопического социализма: *В провинции любых времен / Есть свой уездный Сен-Симон. / Кузьмин был этого закала. / И потому он излагал / С таким упорством идеал / Российского провинциала* [2, с. 102–103].

Контактность, обращенность поэмы к читателю обеспечивается за счет метатекстуальных элементов, в частности, вводных конструкций. Так, читательское внимание сосредотачивается на расположении в пространстве героев, когда в Таганроге приземлились инопланетяне: *Прошу запомнить: таково / Расположенье было лиц...* [2, с. 103–104].

Метатекстуальные элементы в поэме различны по структуре и функциям, но все они «работают» на утверждение главной мысли, сформулированной Д. Быковым так: *«Струфиан» – история о том, как Александра I ... похищают инопланетяне, похищают потому, что в местной почве он не укоренен и с его либеральными принципами здесь делать нечего* [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Быков, Д. Л. Давид Самойлов [Электронный ресурс] / Д. Л. Быков. – Режим доступа: <https://ru-bykov.livejournal.com/3981588.html>. – Дата доступа: 30.10.2022.
2. Самойлов, Д. Весть / Д. Самойлов. – М. : Сов. писатель, 1978. – 112 с.
3. Самойлов, Д. С. Поденные записи / Д. С. Самойлов. – В 2 т. – Т. 2. – М. : Время, 2002. – 384 с.

